

выпущенной страной оказывалась безуспешными. При отсутствии свободного выхода на мировой рынок, все эти усилия сводились к отращиванию России от конкуренции более промышленно развитых стран и к отращиванию государственного аппарата в пользу буржуазии, т. е. к выводу развитие населения и полную победу внутреннего рынка. Таким образом получается заколдованный круг, из которого вырваться сама буржуазия; получается, в замкнутых рамках одной страны, тут, самой буржуазией промышленный рынок, то «нейтральное» экономическое неприятие», о которых говорит Баунтей, как о вымывании «мощной пружины, по которой капиталистический режим может поддерживать свое существование».

Такая обстановка уже само объективное экономическое положение в мало развитых капиталистических странах оказывается гораздо более благоприятным для буржуазии и следовательно гораздо более революционным, чем при возможности успешного развития капиталистического способа производства. Но еще более революционным оказывается это положение, при наличии социалистического движения, если мы обратим внимание на политическую сторону дела, на соотношение общественных сил в слабо развитых капиталистических странах.

В самом деле, если даже в промышленно-развитых странах, с простреченной культурой и обжитыми формами буржуазного господства, рабочие массами сдерживаются в рамках капиталистического строя только только сопротивлением, внутренне мало или со стороны неустойчивой буржуазии, то зато может, какой парадоксальный характер получает классовая борьба—раз только она фактически уже замкнута—благодаря пробуждению рабочих масс—в странах, где вся экономическая жизнь построена на внутренних гробов и прогрессирующая разорения всего капиталистического населения. Из жуткого гробового характера, из жуткой пробуждающейся человеческой достоинства преследованиях здесь массы отчаяния, стихийная страдания людей, сжимаются свои души и жаль своих бедствий.

И в то же самое время—как мы уже указывали на это выше—слава сопротивления, внутренняя, рабочий движение со стороны буржуазии и тактике слабо-промышленных странках, пропорционально гораздо меньше, чем в странах развитого капитализма; она меньше не только соответствующую уровню экономического развития, но и в гораздо большей пропорции; если, на-

принять, уровень русской промышленности, скажем, в 4 раза ниже английской, то общественная сила русской буржуазии уже не в 4 раза меньше общественной силы английской буржуазии, но отнюдь не в свою рабочую массу, а в гораздо большей пропорции, ибо английская буржуазия «отращивает» на эксплуатацию не только своего рабочего класса, но и рабочего класса других стран, тогда как русская буржуазия не удерживает в своих руках даже часть результатов промышленной, торговой и колониальной эксплуатации русских рабочих масс.

Это именно социальное бедствие русской буржуазии, обусловленное самым развитием внутреннего капиталистического производства в России в ничтожном оттоде сравнительно внешними расходами русских буржуазных капиталов, и проявляется в полном экономическом и финансовом разрыве нашей страны, в полной невозможности нашей буржуазии идти по стопам экономическому развитию государства, создать устойчивые формы буржуазной общественной жизни, создать всевозможные выходы-входы компромиссы на пути классовой борьбы, подобные тем компромиссам, которые были способны предложить рабочему классу западно-европейская буржуазия.

Если бы даже русский рабочий класс и захотел поставить свое движение не на революционно-социальную почву, а влесте его в рамках капиталистического строя, то такая программа была бы в России экономически невозможна, ибо такая программа возможна экономически только на почве успешного капиталистического развития страны. Русская буржуазия была бы неспособна предложить русскому рабочему классу нечто более или менее возможное условий существования, если бы могла предложить своему рабочему классу буржуазно-развитую страну, которая перешла бы города от 60% до 80% рабочего населения и подняла бы на сравнительно высокую ступень рабочего существования значительная масса наиболее организованного пролетариата.

Социальная сила западно-европейской буржуазии заключается таковы образом: в то же, что она, благодаря сосредоточиванию в ее руках богатств, была способна привлекать на свою сторону многих промышленников и, с другой стороны, давать фактически возможность для рабочего класса добиваться непосредственного улучшения своего экономического положения в рамках буржуазного строя, выставляя перед пролетариатом значительную программу